Моск. новости
-1997.-29 июня
-6 июля.
-с. 20

Хрусталев подает машину

Новый фильм Алексея Германа

Будучи в любой области кино дилетантом – даже в качестве зрителя, не знаю, принято ли высказываться о незаконченных вещах. В литературе – сколько угодно: рецензируются же журнальные публикации. Может, и в кино допустимо говорить о картине, уже смонтированной, но с обрывами на стыках частей, когда мелькают рваные края и почему-то звезды, с черновой фонограммой – так это называется, – когда роли еще не озвучены особо и слышно то, что сказано при съемках, а что унес ветер или проглочено по причине простуды, не слышно, и тогда из заднего ряда маленького просмотрового зала подсказывает сценаристка.

Так или иначе, положение безвыходное: эта лента все время, с тех пор как посмотрел ее 25 мая, прокручивается в памяти. Может, теперь перестанет: есть, между прочим, масса других дел, забот, впечатлений. Мешает.

О замысле фильма «Хрусталев, машину!» я услышал от самого Алексея Германа лет восемь назад в Нью-Йорке. Мы гуляли по улицам, ходили на разные американские фильмы, и ему все не нравилось, кроме «Последнего киносеанса» Питера Богдановича. Тут вышел очередной фильм Джима Джармуша – «Таинственный поезд», кажется. «Хорошее кино», – с воодушевлением сказал Герман. Я догадался: ничего красивого быть не должно, ни единого кадра. Красивое – ложь, так что ли? Тоже ведь неправда: Германа ли не знать, выросшему именно в образцовой красоте, с окнами на Марсово поле. Однажды мы с женой останавливались в этой квартире в отсутствие Алексея и Светланы. Вошли и замерли под сенью четырехметровых книжных полок: в оконной раме скачет среди кустов на белой лошади женщина в сапогах и сюртучке. Скачет ведь на самом деле – или это тоже неправда в Питере 90-х?

Герман бы, конечно, такую сцену не снял. У него в «Хрусталеве» единственный, припоминается, пейзаж – со строительным уродством поближе, а подальше – с мостом через большую реку, по которому идет поезд, и из-за кадра невидимый персонаж говорит о нем: «Астраханский». Почему от этой простоты и заурядности замирает сердце?

Юрий Цурило в роли генерала Глинского

Заслуга Германа – в решении глобальных задач, а не в дотошном бытописательстве и скрупулезной точности деталей. Так, у него в «Лапшине» и слом папиросы, и носки с подвязками, и вдумчивый пионер в уголке живой природы, и замоченное в ванне белье, и реплика «чайку черепушечку» – все точно, точны все нюансы, но не они вкупе создают достоверную критику времени и образа действий, а наоборот. Безошибочность мелочей определяется верно выбранным ракурсом. У Германа детали – не то, что составляет целое, а то, на что целое распадается. И ты замираешь от пустяка, потому что ничего другого нельзя было в предложенной ситуации увидеть и ничего другого услышать, кроме единственно возможного: «Астраханский».

Действие фильма идет в течение нескольких дней с эпилогом через десятилетие. Эти дни – вокруг смерти Сталина. Герой картины – генерал медслужбы Глинский – чувствует по развороту дела врачей, как вокруг него сжимается кольцо, хотя сам не еврей, и решает исчезнуть. Он решительный, сильный, молодой – но его ловят, погружая в лагерный ад, где его стремительно и свирепо насилуют в «воронке» уголовники и он выползает на четвереньках, подгребая под себя обезболивающий снег. Генерала опускают в кошмар всего на день, тут же выуживая, чтобы доставить к агонизирующему Сталину. Властелин обделался в предсмертной истоме и умирает. Берия выбегает с первой фразой новой эпохи: «Хрусталев, машину!», а генерал Глинский, переживший за день вечность, все-таки исчезает, уходит в никуда, растворяется в России. Мы видим его через годы не генералом и не врачом, а комендантом поезда, в котором едут освобожденные из лагерей. Глинский – итог двойного жуткого опыта – вспоминает английские стихи и на потеху выдает коронный номер: держа на весу тяжелые рессоры, удерживает на бритой макушке полный стакан портвейна. Стакан дрожит, бомжи хохочут, колеса стучат, экран гаснет, жить не хочется.

Когда в ленфильмовском зальчике зажегся свет, соавтор сценария и жена режиссера Светлана Кармалита спросила: «Ну как?» Потом взглянула на нас, на лица первых некиношников, посмотревших «Хрусталева», – Сергея Гандлевского, моей жены и меня, – вроде как всхлипнула и побежала звонить Герману. Тот с утра уехал в Репино, чтобы быть подальше от просмотра. Семь лет снимался «Хрусталев» – уже само это страшно, а перед ним был «Лапшин» – есть откуда падать.

Сравнивать эти картины нельзя. В новом фильме, особенно в первой его половине, использована лапшинская поэтика, найденная Германом тотальная полифония, когда звучит каждый шепот и играет каждый миллиметр экрана. Но ритм и темп здесь таковы, что «Лапшин» кажется заторможенным рядом с «Хрусталевым». Черно-белая пленка раскручивается ярко, пестро, многоцветно. Сюжет несется с дикой стихийной силой, так что не хватает дыхания, не поспевает сознание, сердце колотится оглушительно, и под его грохот, а не под стук фонаря о борт «воронка», идет сцена насилия.

Сравнивать две германовские картины нельзя. Как у Толстого есть «Война и мир» и есть «Анна Каренина» – так у Германа есть «Лапшин» и есть теперь «Хрусталев». А у нас – шедевр. Вещь, спрессовавшая в два часа двадцать минут семьдесят лет и четверть миллиарда судеб.

Герман нашел ракурс, под которым срабатывают все его замечательные детали и выдающиеся находки. Игры диктатора и игры рока, швыряющие героя по безднам, идут под знаком ужаса. Если угодно – Ужаса. Это не страх, это неизмеримо больше, это библейский ужас, одушевляющий бытие огромной страны, определяющий ее историю. Герман воспроизвел это чувство материально: его ужас можно потрогать, просунуть голову и душу, с воплем отшатнуться.

Если существует в самом деле катарсис – то это «Хрусталев». Я только не уверен, что готов к такой силы переживанию. Аналога нет – разве что сама природа, ее безумные явления. Единственная война, которую я видел, – чеченская, и я до сих пор не знаю, нужен ли мне был такой опыт. Что делать с количеством горя, к которому прикоснулся? Не все встраивается в собственную жизнь, как белая лошадь на Марсовом поле в оконной раме. Что-то остается вне, но рядом – и колотит по боку, мешая ходить.

Фильм Германа ошеломляет, подавляет, обессиливает – как война. Надо, конечно, вспомнить, что это всего лишь целлулоид, понарошку – трудно, но можно.

Когда после просмотра мы спустились в ленфильмовский двор с его неизменной с хрусталевских времен эстетикой разрухи, навстречу вышел артист Юрий Цурило, оказавшийся еще более молодым, чем в роли Глинского, такой же усатый с бритой головой. Мы познакомились и сфотографировались на память. Я смотрю на снимок, с трудом узнаю Гандлевского, свою жену, себя. А эти – хоть бы что: Светлана с корзинкой, будто на рынке, Цурило светится улыбкой и лысиной, Герман и вовсе отсиделся в Репине, как в Ташкенте. Для них война была семилетней, растянулась в эмоциях, размазалась по микроинфарктам, а нам теперь с этим жить.

Петр ВАЙЛЬ